

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ БЕСЕДИН

В ТЕХ МЕСТАХ СОКРОВЕННЫХ РОССИИ...

* * *

Есть в России такие места,
Что не тронуты словно бы временем.
Там над рощами властвует древняя,
Первозданная красота.
Над поляной шмели, как цари,
С медуницы летят к иван-чаю,
Там березы забвенью качают,
И звезда над осинкой горит.
На листьях, что трепещут едва,
Грань меж тенью и светом неясна.
Там зовёт неразгаданно властно
Неба добрая синева.
Сладок там малахитовый хмель
Трав, не знавших жестокости стали.
Там врачует заботы-печали,
Как знахарка, склоненная ель.

БЕСЕДИН Николай Васильевич родился 16 января 1934 года в Кемеровской обл., прииск Террасный. В 14 лет ушёл юнгой на флот. В 1963 году закончил Литинститут. Работал в Институте ядерной физики имени Курчатова, НИИ сантехники, Госплана СССР. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийских литературных премий имени Н. Заболоцкого, И. Бунина. Автор 14 сборников стихов и трёхтомника "Избранное". Живёт в Москве

Ах, какая стоит тишина
В тех местах сокровенных России,
Словно рощу о чём-то спросили,
А ответа не знает она.

* * *

На старинной гравюре,
где небо вразлёт
Разметалось над полем,
Где ворон клюёт
На дороге ячменные зерна,
Где легко и упруго
скользят облака,
Где не то чтобы дни и года,
а века
Исчезают, как листья, покорно.
На старинной гравюре,
где сонный покой
От осокоря льётся,
И на водопой
Пастушонок торопит отару,
Там душа и пространство,
себя обрета,
Так слились воедино,
как мать и дитя,
Как два промысла Божьего дара.
В окнах сумерки гаснут, стирая тона,
Размывая границы гравюры и сна,
Поля этого, этой дороги.
Нет отары давно и её пастушка,
Бесприютен пустырь,
тяжелы облака,
И исполнено небо тревоги.
На асфальте дорожном
не зёрна, а тлен,
Задохнулось пространство
в нашествии стен,
В бесконечности небо зловеще.
Но минувшее память жестоко хранит.
На обломке осокоря ворон сидит,
И возмездье в глазах его вещей.

БРАТИНА

Говорила матушка:
— Жажда истомила.
Поднеси мне ковшичек влаги зоревой.
Вся душа измаялась,
оскудела сила,
Заросла дороженька к солнцу лебедой.
К солнцу лебедой.
Собирал я матушке
Росы луговые,
Ковшичек серебряный полный подносил.
Не взяла, не выпила.

Губы ледяные
Не открыла рódная, как я ни просил.
Наливал я матушке
Из ключей подкаменных
В туесок берёзовый одолень-воды.
Не взяла, не выпила.
Жестом неприкаянным
Заслонилась милая, будто от беды.
Собирал по капле я
Из озёр немерянных
Да из рек несчитанных, из морей нагих.
Не взяла, не выпила.
То ли кем не велено,
То ль печать заклéтия на губах сухих.
И спросил я матушку:
— Чем душа утешится?
Подала мне братину:
— Людям отнеси.
Что нальют, насыпят ли —
Всё приму я, грешница.
Мало ли наварено яства на Руси?
Яства на Руси.
И пошёл я с братиной
Долами да взгорками,
По деревням сгорбленным, умным городам...
И роняли жители
В чашу горе горькое,
Слезы да пожарища с кровью пополам.
Приносили жители
Старые и малые,
Сирые и нищие — голод и позор.
Молча клали в братину
От надежд усталые,
От похмелья тёмные злобу и раздор.
Нес её я полную
Неторопким шагом
По путям обратным, чтоб не расплескать.
В граде белокаменном
Блажная ватага
Кинула горсть золота: — Подавись ты, мать!
И поднёс я матушке.
Выпила, не охнула.
Прокричали вороны с четырёх сторон.
Но потом родимая,
Как травинка, сохнула.
И стояла братина около икон.
Около икон.

* * *

С куста на куст перелетая,
Синичья маленькая стая
Щебечет, радуясь тому,
Что день настал широк и светел,
Что пахнет ягодами ветер,
Что мир и лад у них в дому.
А я брожу по сухотравью
Меж снами прошлого и явью
И с каждым шагом мне грустней,

Что горек ветер, день тревожен,
Что лето кончилось, быть может,
Что лада нет в душе моей!

* * *

Что в тайниках и есть ли тайники?
Я не о тех, что пахнут нафталином,
Не тех —
в пространстве песенно-былинном,
Куда глядят с тоской из-под руки
Или идут покаянно с повинной.
Я не о них, хотя и путь к ним свят.
И не о тех живительных и вечных,
Где спят дожди, где зажигает свечи
Осенних рощ ноябрьский закат,
Не о равнинах русских бесконечных.
Но есть ли тайники, что сберегли
Бесстрашие, и жертвенную силу,
И долг живых — не ворошить могилы,
И боль при виде матери-земли
Ограбленной, униженной, но милой?
Где те места, где русский род хранит
Непорченные зёрна для посева,
Где русая с небесным взором дева
Богатыря Илюшеньку родит,
Исполненного праведного гнева?
Как будто Китеж, “Курск” или “Варяг”,
Нас поглощает медленно пучина.
Где мужество, чтоб не искать причины,
А бить врага лишь потому, что — враг,
Чтоб не стыдиться матери за сына?

* * *

Выбрасывают книги на помойку.
Наверно, завершают перестройку.
Иль, может быть, готовит человек
Себя к отплытью в XXI век.
А там всё будет круто и толково,
Обузой станет человеку Слово.
Не будет ни сонета, ни романа,
А будут только кнопки да экраны.
И всё заменит — шёпот, стон и крик —
Компьютерно-рассудочный язык.
И будут петь и плакать — все на нём...
Но, слава Богу, мы не доживём.

* * *

В этом нищем краю,
безответном таком и былинном,
Позабыла земля
заскорузлые руки забот.
Пролетят журавли
запоздалым, тоскующим клином,

И рванётся вослед в поднебесье
пернатый народ.
И закружатся листья
в какой-то отчаянной пляске,
Унося за собой волглый запах
берёз и осин.
И смешаются странно
земные с небесными краски,
И потянет от берега
холодом первых седин.
Не зови, не проси меня
край этот нищий оставить.
Я навеки прирос к неприкаянной
русской земле.
Вот декабрь придёт,
и сотрёт всё случайное заметь,
И повыжгут морозы всё то,
что рождалось во зле.
И тогда по весне,
под апрельские тёплые зори
Зашумят и наполнятся
радостным светом леса,
И очнутся поля от сиротства,
безверья и горя,
И о верности отчей земле
возгласят небеса.